

Мы можем считать поэтому, что текст, дошедший до нас в списке XVI в., представляет собой первоначальный вариант того памятника, который впоследствии получил имя «Слова кратка». В «Собрании на лихоимцев» нет еще того вступительного обращения к «архиепископу достойнейшему», которым начинается «Слово кратко»; очевидно, это обращение (как, вероятно, и связанное с ним заключение «Слова») было добавлено к сочинению теми редакторами, которые переделали его перед поднесением его Геннадию Новгородскому.

Кто был автором «Собрания»? Исследователями давно уже высказывалась мысль, что автором «Слова кратка» мог быть католический монах, доминиканец Вениамин, находившийся в конце XV в. в Новгороде, при дворе архиепископа Геннадия. В 1491 г. один из приближенных Геннадия записал со слов Вениамина известие о взятии Царьграда;⁵ в 1493 г. сам Вениамин оставил запись о сделанном им переводе библейских книг «с латинска языка» (для Геннадиевской Библии 1499 г.).⁶ Тем же Вениамином, возможно, был переведен (с румынского перевода XV в.) текст итальянского религиозно-нравственного трактата XII в. «Флорес дарованиям и злобам» («Цветник добродетели»)⁷. Относить «Слово кратко» к творчеству Вениамина побуждали исследователей латинизмы и следы католических тенденций в этом памятнике;⁸ текст «Собрания», где католические черты выражены прямее и сильнее, чем в «Слове», подтверждает это предположение. «Собрание на лихоимцев» представляет собой, очевидно, первоначальный текст (или, еще вероятнее, непосредственный перевод с латинского) трактата, написанного Вениамином «зде ... в достойном русском отечестве» (л. 518), но целиком по западным материалам. При переделке в «Слово кратко» слишком явные по «латинству» места трактата (ссылка на Карла Великого и упоминание «латин») были опущены. Текст «Собрания на лихоимцев» публикуется по правилам ТОДРА.

Събрание от божественаго писаниа от Ветхаго и Новаго на лихоимцов. л. 487

Ты заповеда заповеди твоя съхранити зело. От сих словес псалмописца Давида, великаго пророка, в псалме 100 осмом на десять нам откровенно является всю словесную тварь божиим заповедем быти повинну; никто бо от человек на земли живя, коль свят, коль силен и велик, богат,

⁵ ГБЛ, Рум., № 93, л. 1 об. (приписка на рукописи «Дионисия Арсепангита», данной сподвижником Геннадия Герасимом Поповкой в Пафнутьев монастырь).

⁶ ГПБ, Погод., № 84, л. 36 об. (копия XVI в. с рукописи Вениамина). Ср. об этом тексте нашу статью: К вопросу о «латинстве» Геннадиевского литературного кружка, стр. 74—77.

⁷ ГБЛ, Рум., № 2748. На л. 167 этой рукописи (списка XVIII в.) содержится запись, что книга «переведена з влоского языка на волоски албо богданьский чрез Германа волошина, а потом з волошкаго на словенский чрез Вениамина иеромонаха русина, року 1592». Уже И. А. Шляпкин (Св. Дмитрий Ростовский и его время. СПб., 1891, стр. 76, 77) высказывал предположение, что дата «1592 г.» — ошибка вместо «1492 г.» и что упомянутый здесь Вениамин идентичен доминиканскому монаху, действовавшему в Новгороде в конце XV в. Недавно румынские исследователи Н. Н. Смокинэ и Н. Смокинэ поддержали это предположение, указав, что постельничий и переводчик Герман известен в Молдавии в 1478—1484 г., что тексты славянских переводов с Вульгаты, идентичных вениаминовским, сохранились в Румынии и что в конце XVI в. переводить «Флорес» с румынского было бы излишнее, так как с начала XVI в. в самой Румынии обращался славянский перевод этого памятника (Nic. N. Smochină și N. Smochină. O traducere românească din secolul al XV-lea a cărții «Floarea Darurilor». — Biserica Ortodoxă Română, anul LXXX, № 7—8, 1962, pp. 712—718, 737—741).

⁸ Наиболее развернутую аргументацию этого положения см.: А. Д. Седельников. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина. — ИОРЯС, т. XXX. Л., 1925, стр. 211—213, 218—225.